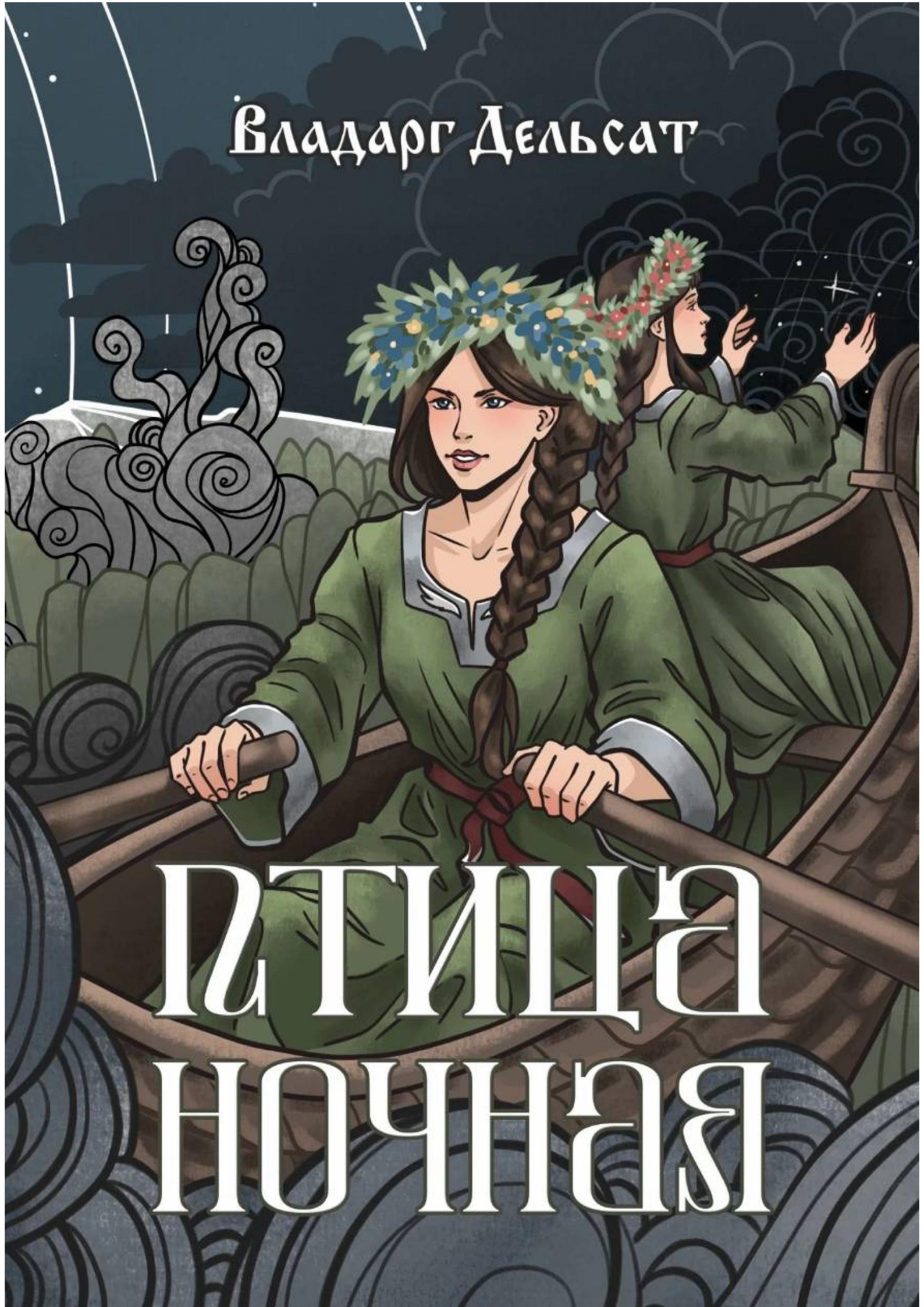

Владарг Дельсат

ВЕТЕРНАЯ НОЧНАЯ

Кошечьево государство

Владарг Дельсат

Птица ночная

«Автор»

2026

Дельсат В.

Птица ночная / В. Дельсат — «Автор», 2026 — (Кощеево государство)

Шестнадцатилетняя Лада готова на что угодно, лишь бы подняться в небо. Даже выдержать отбор самой Яги, освоить упрямую ступу и доказать, что летницам есть место рядом с лучшими воинами Тридесятого государства. Здесь Кощей вовсе не враг, а вождь, мудро правящий страной, горынычи служат в воздушных сотнях, домовые следят, чтобы дети вовремя завтракали, а всё происходящее в людском мире однажды получает своё сказочное отражение. Лада ещё учится в школе ведуний, дружит с Варварой и впервые встречает человека, рядом с которым начинает чувствовать себя взрослее. Но главное — знаменитая Мария Тимофеевна выбирает её для нового приключения. Каким оно будет? Что ждёт Ладу в небе — и куда приведёт её мечта?

Содержание

О трёх ступах учебных	5
О небе и предчувствиях	9
О том, как стать сестрой горынычу	13
О ночном небе	17
Об изменившем жизнь дне	21
О вестнике черном	25
О ставших крылом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владарг Дельсат

Птица ночная

О трёх ступах учебных

Молва говорит, что не так всё было. Царь Елисей, люди бают, на Кощея-батюшку осерчал, да извести захотел. И послал он богатырей, значит, а они всё неверно поняли о том, как правильно изводить следовало, и оттого у нас власть переменялась. Однако ж мне, настоящей ведунье, молву слушать можно, а повторять нельзя. История, четверть века назад произошедшая, говорит, что Кощею жалко стало изнывающий от податей и несправедливости люд, и тогда решил он на помощь прийти. С тех пор у нас справедливое государство.

Кощей-батюшка, наш вождь великий, создал самое справедливое государство тружеников, дал всем равные права, а ещё речь повелел изменить, чтобы простой она была, но и всем понятной, без боярских завитушек. Бояр, кстати, у нас тоже уже нет, а бывший царь на конском заводе золотарём служит, потому что не умеет больше ничего. А кто не работает, тот не ест. Положено трудиться с осьмнадцати лет, причём всем, потому не обидно никому.

Я родилась уже в нашей счастливой стране. Батюшка мой десятником в Горынычевой сотне служит — на горыныче летает, страх на врага наводя. Это змей такой, они бывают одно и двухговыми, а трёхголовый только Горыныч, он на всё государство один. В справочнике они все описаны, если вдруг память заплётётся, только не с чего ей записаться. А Тридцатое государство огромно, и многие народы в нём живут в дружбе и взаимоуважении, потому что никому снег в северных пределах убирать не хочется, ведь вечный он там.

Да и кто решится напасть на нас? Кощей-то все боятся, небось, ну и нас теперь, конечно, ведь Кошечевы мы все. А кто напраслину на нашего вождя наводит, вмиг исчезнет, как не было его, потому никто и не борется с молвой. То старики ворчат, они всегда ворчат, так что ну его. Батюшка мой нынче на учении с горынычами своими — молодых змеев обучает с сотней своей, а я сама себе предоставлена, потому как матушки у меня нет. Забрала чёрная лихоманка матушку уже год как, а я всё в себя прийти не могу.

Поднявшись с кровати своей, облачаюсь я в одежды ведовские — платье цвета леса да пояс белый, показывающий моё право. Солнце рассветное над соснами вековыми стоит, знать, пора мне собираться. Язык-то наш переделал Кощей-батюшка, а всё одно — привычное на язык просится, оттого и следить за собой надобно. Но пока я одна, и так сойдёт.

Омовение, а там домового о завтраке просить надобно. Он не раб и не слуга, отчего следует со всем вежеством просить, а не то обидится да пропишет, что положено. Дитя без матери сиротой считается, оттого и домовый власти порядочно имеет, несмотря на то, что шестнадцать мне... Ну, почти. Но именно из-за этого почти, надо мне распорядка, батюшкой заведённого, придерживаться строго.

Живём мы не в стольном граде, а близко к школе ведовской, в которую я вскорости и отправлюсь, где меня Варвара, подруга моя самая близкая, ожидает, поди. Нынче обещала нам Кикимора Александровна летать позволить. Очень я небо люблю, хоть на чём взлететь в него и замереть хоть на миг. Лишь так я живу, лишь так о сиротстве не думаю.

— Поздорову, Тихон Петрович, — кланяюсь я в угол, где тарелка для молока стоит. — Позволь попросить тебя о завтраке сытном.

— Садись уже, Ладушка, — вздыхает наш домовый, который всё видит. — Слёзы с глаз сотри, не дай Кощей, увидит кто.

Он прав, потому как грустить ведунье на людях не следует, ведь мы передовой отряд кощеевой молодёжи, и живётся нам лучше всех. Ну а на столе возникает миска каши гречневой, молоком политой и, насколько я вижу, ещё и медком приправленной. Ещё раз поблагодарив домового, сажусь за еду. Ох и вкусно же готовит наш домовый, оттого ем я и нахваливаю просто. Ему это, конечно, нравится очень даже, что я замечаю по возникшей холщовой сумке, где он мне еды с собой собрал, даже просить не пришлось.

Доев и поблагодарив, потому что у меня ничего не отвалится, поднимаюсь я из-за стола. Косу заплетаю быстро, потому что девичья коса по форме одежды положена, ведь в школе ведовской порядки строгие, самой Ягой заведённые. Раньше, по слухам, иначе было, а как Яга стала самой главной, так и строгости прибавилось, ведь для ведуньи важна дисциплина, иначе со ступой и не справишься.

Выскочив за дверь, озираю на прощанье родной терем. Батюшке по службе терем положен, хоть и не отличается он многим от избы деревенской. Немного повыше да места в нём побольше — вот и все различия. А лес добрый обступает терем с боков, потому что соседей у нас тут почти что и нет. Матушка... Вздых вырывается сам собой. Она знахаркой была, отчего уединение любила, а папа с ней, ведь не было для него никого милее.

Тропинка путеводная по жесту моему появляется. Это ещё в самом первом классе учат — как попасть туда, куда нужно и не заблудиться в лесу. Хотя в нашем лесу заблудиться талант особый нужен, школа же рядом. А ещё тут недалеко и полки учебные расположены — лешие обучаются, водяные, вона алконосты куда-то полетели. Две тройки — на учёбу, совершенно точно.

Но наблюдать за учёбой оборонителей наших мне не ко времени — спешить надо. Скоро уроки начнутся, а я тут в небо синее засматриваюсь. Прохладно ещё, но кошеева молодёжь ветра не боится, хотя оберег на руке показывает, что одеться следовало теплее. Чтобы не простыть, ускоряю шаг, отчего вмиг жарко становится. И вот так я до школы дохожу, почти по сторонам не глядя.

Школа — это большой терем на лесной поляне. Изнутри он больше, потому как учебных классов больше, но и снаружи двенадцать его этажей солидно выглядят. Мне, кстати, ещё на шестой бежать, если провинюсь. Но вины за мной пока нет, поэтому можно и на дощечке. Она, как ступа, может вверх меня поднять. Всё же шестой этаж — это долго и утомительно.

Я уже вижу Варвару, что ждёт, поглядывая на оберег. Нет никого ближе у меня, оттого, наверное, я, заулыбавшись, почти бегу к подруге моей самой лучшей. И вот видит она меня, на лице её улыбка расцветает, а глаза, как и у меня, синие, будто светом тёплым наполняются сразу. И обнимаемся как близкие, а затем Варвара меня за руку берёт, в сторону школы ступая, но молча отчего-то.

— Случилось чего? — интересуюсь я, потому что интересно её поведение.

— Сюрприз, — сообщает мне подруга самая близкая, ласково улыбаясь. — Сама сейчас увидишь.

Очень она таинственная, но не настороженная, я чувую, а значит, это что-то обязательно хорошее, нас обеих касающееся. Сейчас и узнаю.

Три учебные ступы — это действительно сюрприз, и ещё какой, потому как мы с Варварой в первых рядах получаемся. Вон и Кикимора Александровна кивает, отчего в душе радость поднимается и визжать хочется, но визжать я сейчас не буду — в стенах школы это чревато. Только улыбаюсь радостно, конечно, но тут перезвон колокольчиков намекает на то, что учиться пора.

Ступы — транспорт женский, а вот учебные — новая придумка, люд ученый постарался, чтобы учить ведуний даже до достижения совершеннолетия. Как-то иначе у них управление

устроено, что мы будем изучать обязательно, а сейчас спешим, конечно, на урок. На дощечку ногами встать надо и потянуться ввысь, как и в ступе, и тогда дощечка вознесёт на правильный этаж. Упасть с неё нельзя, то чары волховские следят.

На шестом этаже классы учебные расположены. Во времена древние назывались они горницами, но теперь только классами, потому как повелел вождь наш, Кощей, понятные названия вещам давать. Вот теперь всё ясно: учатся в классах, а слова «горница» да «светёлка» для дома остались, а комнаты вразумления отменили ещё до моего рождения, потому как юные умы учить надобно, а не пугать. Вот какой Кощей мудрый!

Наш класс второй от окна углового, и в нём девиц видимо-невидимо, но все уже рассаживаются, чтобы порядок не нарушить. В школах чародейских, по слухам, девицы с молодцами вместе учатся, но, думаю, байки то, ведь природа силы у нас разная. Молодцы все как на подбор, силы у них колдовские, а наши ведовские. Разница промеж них огромная, оттого и не можем мы совместно обучаться.

— Здравия вам, девицы пригожие, — в класс Берендей Потапыч входит. Он высок, ладен, взгляд останавливает и румянец на... лице вызывает, несмотря на длинную белую бороду. — Кто молвит, что было у нас в прошлый раз? Есения?

— Здрав будь, Берендей Потапыч, — поднявшись из-за парты, крышку оной подняв, Есения, дочь почтаря, отвечать готова. — В прошлый раз мы говорили о чарах поддержания ступы в воздухе и действующих на неё силах.

— Очень хорошо, — кивает ей наш учитель. — Проверять не буду, ибо сегодня разговор наш о летучем корабле пойдёт.

Вот как раз о той самой разнице: летучий корабль — мужчина для мужчин создал, потому управляться он и колдовством может. А в воздухе его дерево летучее держит, только надо суметь его правильно собрать, и тогда даже колдуны в воздух подыматься могут. А ступа — она на силе нашей летит, и хоть создана специально, но теоретически можно хоть на корыте взлететь.

— Как вам известно, летучий корабль был создан мастером Данилой как транспорт для преодоления значительных расстояний, — Берендей Потапыч напоминает нам историю. Что там в сказах было — то дело десятое, а на самом деле именно так. — Давайте рассмотрим его устройство.

На доске появляются уравнения сил, корабль в разрезе, корабль сверху и снизу, мы, конечно же, аккуратно переписываем в тетради. Раньше, до Кощея, Тридесатое бедно жило, оттого все на бересте писали, а теперь у нас бумага есть. Писать удобнее, и читать после тоже, так что ещё одно изобретение прекрасное, подтверждающее, что Тридесатое впереди всех в технологиях вырвалось.

Вот кажется мне, что не просто так мы сегодня о летучем корабле заговорили. Учитывая, что транспорт он колдовской, нам неподходящий, что-то задумал наш учитель, и хорошо бы узнать, что именно. Раньше, по крайней мере, о таком разговора не было... Учитывая, что появились ступы, что это всё может значить? Вот мне очень даже непонятно, но школа ведовская приучила меня рот до поры на замке держать.

Колокольчик прерывает учителя, отчего-то быстро собирающегося и покидающего класс. Не против правил это, а вот против его обыкновения, что наводит меня сразу на мысли разные. Варвара, подруга моя, тоже задумчивой выглядит. Я же залезаю в котомку, блины свёрнутые рукой нащупав, и вынимаю пару — для подруги и для меня. Знает Тихон Петрович, что если не на обеих считать, то подруге своей лучшей я всё отдам, как и она мне. Нет у меня никого ближе на свете, нет, и всё тут.

Блины просто тают на языке, а рыбный фарш, коим наполнены они, сразу же возвращает ясность мыслям. Знать, зачарованы блины или рыбка вовсе непростая. От домового нашего всего ожидать можно, но вот сейчас это вовремя очень — урок у нас с самой Ягой, что школой

верховодит, и нужно быть очень внимательной, ведь не приемлет она ни малейшей оплошности в науках ведовских.

Скоро у нас будут испытания, как весна пройдёт, так сразу и начнутся, а вот потом уже лётная практика, у тех, кого допустят. Потому очень важно мне быть отличницей, чтобы суровая Яга допустила до полёта, ведь живу я в небе синем, лишь в нём не думая о том, что мамы больше не будет. Могла бы — птицей стала, да только сказки это, не в силах человеку птицей быть, не нечисть, чай.

Проходит перемена, промеж уроков которая, а мы с Варварой рядышком сидим, ведь спешить нам некуда обеим. Вот колокольчики серебряным звоном школу наполняют, и в тот же миг Яга-матушка в классе обнаруживается. Внимательно она на нас смотрит, но молчит. Это может что-то хорошее значить, а может и не очень, поэтому я изображаю всевозможное внимание.

— Считайте, оценила, — кивает Яга, чему-то усмехнувшись. — После уроков Лада, Варвара, Смиляна, Краса, Злата и... хм... Власта будете за теремом школьным ждать. Все поняли?

— Да, матушка, — хором отвечаем мы, потому как так положено.

— В таком случае поговорим о горицвете, — моментом меняет тему она, чем с непривычки может и огорошить, да только привычные мы все.

На сегодняшнем уроке решила, значит, Яга, о травах речь завести. Это тоже не просто так, особенно после того, как экипажи назвала. Так называется двойка девичья, потому как одна ведёт ступу, а вторая повинна говорить ей, куда править. Ну и ещё задания разные выполнять, буде какие случатся. Поэтому тот факт, что шестеро нас, меня ничуть не смущает, ведь ступ учебных три, а вот почему именно сейчас — это вопрос сложный.

День тянется, как и положено, от урока к уроку. Что-то выходит, что-то нет, но не беспокоит это меня. Батюшка в таких случаях говорит: с первого раза ни у кого не выходит, так что горевать не следует. Просто повторить несколько раз, и тогда всё будет как по писаному. А батюшка мой ошибаться не может, это я очень даже знаю, потому как заведено так в Тридесятном, что короче просто «Русь» зовётся, — батюшка всегда прав, и всё тут.

О небе и предчувствиях

Просыпаюсь я счастливая, ведь летала во сне. Вчера Яга показала нам ступы учебные и огорошила сразу. Ведь, выходит, ответственность на нас шестерых возложена, чуть ли не самим Кощеем. Страшно немного даже, ведь если доверия не оправдать, может стать очень нехорошо, а вот «нехорошо» мне совсем не нужно. И я поднимаюсь, разглядывая своё новое платье, домовым выглаженное. Оно в воздухе висит, меня дожидаячись.

— Доброе утро, Тихон Петрович, — не забываю я поздороваться с домовым нашим.

— Доброе утро, Ладушка, — в голосе домового ласка, а не ворчание извечное. Это что же у нас такое случилось-то?

— Батюшка дома ли? — интересуюсь я, к гимнастике утренней приступая. Вчера Яга показала, как именно заниматься надо, чтобы тело в здоровье блюсти.

— Улетел с утра пораньше Илья Никитич, — вздыхает Тихон Петрович. — Всего час дома побывать успел, учение у него в самом разгаре.

Да, весна, молодые горынычи учения требуют, а то списать придётся, а это расход, за который по головке не погладят. К тому же о шевелениях каких-то в западных пределах молва восточку доносит, хотя бирючи о подобном молчат. Вчера, к примеру, об урожае огромном говорили, да ещё как здорово получается в мастерских у тружеников. А ещё рассказывают, что печки самобеглые и для охраны пределов приспособили, а вот как, я пока и не знаю. Надо в читальню сходить, дабы узнать о новостях научных да технических.

Закончив с гимнастикой, я омовением занимаюсь, а затем уже и за стол сажусь. Тёмно-зелёное, цвета леса платье приятно холодит кожу, а выглядит не простой одежкой, а служебной. В точности, как у воинов, только платье, коего у них быть не может. Уверенности добавляет мне это платье, хотя, кажется, с чего бы? Но я завтракаю, ведь ждёт меня школа, а затем буду правила движения правильного изучать. Яга давеча науку эту «путеводной» звала и страшила ещё писаниной.

Доев и попрощавшись с домовым, отправляюсь я в школу, всё ещё раздумывая над тем, что вчера услышала. Ведуньи летучие в дружинах не служат, так заведено, что нечего девке в сече лютой делать, но, похоже, изменится это скоро. И вот у такого изменения должна причина быть, о которой надо будет с батюшкой поговорить. Завтра всеобщий выходной, тогда и посидим за столом, а сейчас... Вот и школа!

— Варвара! — увидев подругу, спешу к ней. А она сразу и не видит меня, потому как задумчива очень.

— Лада, здравствуй, — улыбка озаряет её лицо, задумчивость прогоняя. — К истории готова ли?

— Куда я денусь, — хихикаю в ответ, отправляясь за руку с ней к терему школы. — Что тебя так задуматься заставило? — за речью следить я не забываю.

— Матушку старшицей поставили в лечебнице, — пока идём, объясняет мне Варвара. — А звание это воинское, чего никогда и не было же. Но есть шевеления странные, о коих молчать следует.

— Учítывая, что нам Яга вчера сказала, так и неудивительно, — вздыхаю я в ответ.

Две дощечки возносят нас на наш этаж, я же вспоминаю слова наставницы всеобщей. Так вот, нас шестерых она будет учить ступы водить, и ежели выйдет у нас, то и другие потянутся. Вот отчего-то мне кажется, что не ступы нам предстоит водить, правда, что именно, пока и не знаю я, потому что других вариантов нет. Горыныча девице не доверишь, девица для змея не аргумент, его лишь тот, кого авторитет, водить может, добрый молодец, да не всякий. Ну и пахнет горыныч просто мерзостно. Значит, не змеев, а что тогда?

Вот и класс наш, в котором подруженьки уже собрались, за партами привычными сидят, к уроку готовятся. Сегодня у нас опрос по истории, и спросить что угодно могут — от сути Тридесятого до воца... то есть, прихода к власти великого Кощея-батушки. И если кто ушами весь год хлопал, у того сюрприз не самый весёлый будет, ну а мы с Варварой историю знаем, конечно.

Чтобы хорошо ориентироваться в истории, нужно помнить об особом положении Свободного Тридесятого Государства. Как и всякое сказочное государство, расположены мы на суше, окружённой морями, за исключением западного предела — там начинается край дикий, немецкий. Так издревле всех чужаков зовут — немцами, а раньше и басурманами звали, да только племена басурманские давно уже частью Руси стали, ещё в эпоху Добрыниных походов. Богатыря легендарного так звали.

С моря-окияна опасность Тридесятому грозить никакая не может, а западный предел на замке. Значит, судя по молве, что-то с ним связано. Тогда опрос будет о войнах разных, дабы убедиться, что ведома нам история славы нашей. Я слышала, конечно, что воюют немцы всякие друг с другом — англичские с германскими, но волнует меня это мало, я летать хочу, так бы и взлетела...

— Здрaвы будьте, девицы премудрые, — в классе оказывается Марья Ильинична, что искусства разные ведаёт, оттого Искуницей её молва прозвала. — Присаживайтесь.

И возвращаемся мы обратно за парты, из-за которых вскочили. А Марья Ильинична начинает вовсе не с опроса. По жесту её карта мировая раскрывается, что не только пределы Тридесятого Государства кажет, но и страны, на западе расположенные, демонстрирует. И вот вижу я — вплотную к нашим пределам пятно чёрное прижалось, а что значит это, и не знаю.

— Три года тому немцы двинулись воевать страны окрестные, — говорит нам наставница наша. — И пока это нас никак не касалось, не говорили мы о том, да только приблизился немец со слугами своими вплотную к пределам нашим, оттого Кощей в безмерной мудрости своей повелел договор между нами сладить, дабы не было страха промеж нас.

Это как раз понятно, ведь сила несметная у Тридесятого царства имеется, оттого немец может и напасть от страха просто. Именно о том наставница наша и глаголет, говорит, в смысле. И чтобы не было германцу страшно, теперь промеж нас договор нерушимый о ненападении имеется, что о мудрости кощейевой говорит. Вот только отчего нас решили наособицу о том просветить, мне неясно.

— Ведомо вам, девицы премудрые, что в Тридесятом отражение имеет всякое, что в людском мире происходит, — продолжает свою речь Марья Ильинична. — А как именно, нам сейчас Смиляна расскажет.

Рассказывать-то особо нечего. Тридесятое Государство на сказках людского мира возникло, то каждому известно, но далеко не всё, у людей происходящее, у нас отражается. Сейчас подружка моя о том и говорит — сказки сказаны, а жизнь наша лишь от нас зависит. Но вот именно Марьей сказанное меня смущает отчего-то, ведь нет у неё лишних слов. Значит...

Я знаю её. Да её все знают — Мария Тимофеевна это, в лётном мастерстве преуспевшая. И если Яга нечисть и ей положено, то Мария Тимофеевна — человек и просто легенда для всех, кто в небо стремится, но больше, конечно, для девчат. И вот она стоит перед нами, что перед ней к небу тянутся, с обожанием на неё глядя. Улыбается она нам едва заметно и даже, кажется, ласково очень.

— Сначала мы с вами будем учиться летать, — мягко произносит она. — А Яга в это время путеводницами займётся. Но на уроки Яги и лётницам ходить надобно, ведь путеводное дело знать всем надо. Вопросы есть?

— Нет, наставница, — не враз отвечаем мы, и заметно морщится она.

— Да, уставом воинским заняться следует, но позже, — вздыхает Мария Тимофеевна. — Сейчас тут остаются Лада, Смиляна и Злата, остальные к Яге бегом.

— Буде так! — откликаюсь я, вспомнив, как батюшка отвечает, когда сотник что-то указывает.

— Ага, что-то всё же знаешь, — кивает наставница наша. — Садитесь.

Это приказ означает, что в ступе полетать выйдет не сразу. В лётницы выбрала она тех из нас, что небом болеют, я это сразу же замечаю. Дело это важное, но сейчас будет у нас урок наземный. Много знать надобно, чтобы в небе подобно птице летать. И вот наставница наша говорить начинает, сходу огорашивая, ведь именно такого никто и не ждал.

— Что я сейчас скажу, пока тайна великая, — предупреждает нас Мария Тимофеевна. — Но вам её знать положено. Чем добры молодцы от девиц премудрых отличаются, все помнят?

Злата сразу же краснеет всем видимым телом, показывая, о чём подумала. Но наставница наша точно не о той разнице говорит, а о другой совсем. Девы почти все ведуньи, наша сила в нас живёт, мыслью управляясь, оттого и дисциплина железная быть должна, а вот у молодцев сила колдовская, заёмная. Добры молодцы колдуны все, оттого чары творят вовсе не мыслями, а как-то иначе. Вот это я наставнице и выдаю.

— Правильно, — кивает она, усмехаясь. — А Злата у нас за мысли вздорные два лишних круга пробежит на занятии, но после. Повелел великий Кощей кроме горынычей сделать для добрых молодцев возможность летать быстро, что это значит?

— Только летучий корабль в голову приходит, — честно отвечаю я.

— Правильно, Лада, — соглашается наставница наша. — Даниловская артель малые корабли, что «ладьяшками» зовутся, создала. Управляются они словами волшебными, но появилась у Яги мысль мудрая — ведуний на них посадить.

— Мы на них летать будем! — доходит до меня суть нашего разговора. — Сразу?

— Нет, сначала ступа, — качает головой Мария Тимофеевна. — Потому мы с тобой, Лада, отправимся в полёт, а Злата будет бегать, Смиляна же поглядит, чтобы не отлынивала.

И она делает жест приглашающий, а мне Злату жалко — два круга вокруг терема длиться могут долгонько, от наставницы зависит сколько. Но я залезаю в ступу, перепрыгнув через бортик, а впереди и наставница как-то вдруг оказывается. Вот кажется мне, знает она что-то важное, но пока говорить не хочет. А вот ступа медленно подниматься начинает, и меня, будто объятья материнские, волшба обнимает. То чары специальные, чтобы из ступы не выпасть да на скорости уши не застудить.

— Приготовься, — сообщает мне наставница, а я только киваю, потому что лечу же.

И вот она начинает коленца выкидывать. И по кругу летит ступа, и подолом кверху, и быстрее, и медленнее, а я того и гляди завизжу от счастья. Всё же лишь небо мне дарит настоящее счастье. Когда батюшка меня на горыныче возил, я тоже счастливая очень была. Все горести кажутся небывальщиной, и улыбаюсь я очень радостно, ведь небо принимает меня. А наставница оборачивается и кивает понимающе очень.

— Не ошиблась я в тебе, ласточка юная, — только и говорит она, но затем уже и на посадку идёт.

Мне бы ещё полетать, ведь счастье это большое, но понимаю я — сейчас и других девчат вывезет наставница, чтобы понять, на кого время тратить стоит, а кому лучше бы и не летать вовсе. Но в Смиле и Злате уверена я, такие же они — небом живут. Вот ступа усаживается на мягкую траву, и я, сделав над собой усилие, выпрыгиваю из неё, хоть и не хочется.

— Сама тебя всему учить стану, — сообщает мне Мария Тимофеевна. — Злата, в ступу!

— Буде так! — звонко отвечает ей запыхавшаяся подруженька моя, с радостной улыбкой в ступу прыгая.

А я на траву опускаюсь, в душе счастье, только что испытанное лелея. Не хочется мне на землю-матушку возвращаться, но тут ничего не поделаешь — нельзя вечно в небе человеку,

даже нечисть не умеет, так что надо покориться судьбе. А вот ступа уже и вниз идёт, что-то быстро она. Я бросаю взгляд на оберег, на котором, повинаясь воле моей, цифры проступают — половинка часа всего прошла, странно.

Ступа опускается, Злата из неё вылезает, покачиваясь, будто укачало её, а Мария Тимофеевна только головой качает, но Смилю зовёт. И тут Злата плакать начинает, и отчаянно так, что я к ней бросаюсь, чтобы утешить, ну и Смиля тоже, ведь подруженька наша не просто так слезу пустила, чего за ней не водилось никогда.

— Злата, никто тебя не прогонит, — вздыхает наставница наша. — Седмицу попьёшь отвары знахарские, и перестанет тебя укачивать.

— Правда? — плач вмиг, как топором, отрубает.

— Правда, — кивает ей Мария Тимофеевна, улыбнувшись. — Давай, вытирай слёзы, всё хорошо.

— Благодарствую, — тихонько отвечает Злата, заливаясь слезами теперь уже от облегчения.

Так бывает, когда в первом полёте плохо становится. Не со мной, конечно, потому что я живу в небе, но бывает, батюшка рассказывал, что молодых воинов чуть не наизнанку выкручивает, ведь и запах у горынычей «специфический», то есть на девичий мой вкус — мерзостный. Но девиц в горынычеву сотню и не возьмут, что и ладно. А теперь я Злату успокою, и будем мы ждать, когда Смилю в небе докрутят, а затем уже нам о будущем нашем расскажут. Пока что подумаю о рассказанном.

Добрым молодцам из волшебного дерева лодки делают, надо посмотреть на них, потому как мнится мне, что быстрыми они вовсе не будут. А вот почту доставить или указ Кощеев — это очень даже, и целый корабль гонять не нужно. Знать бы, что у великого нашего Кощея в голове, к чему готовится он? Ведь не было ничего, а тут вдруг и рассказы о чёрной туче немецкой, на Западе клубящейся, и вот теперь кораблики летучие...

Неужто война возможна? Да нет, не бывать тому! Кто ж в трезвую голову решится на Тридесатое напасть? Это совсем без соображения быть надо же, ведь никого нас сильнее.

О том, как стать сестрой горынычу

Батюшку мой вопрос задуматься заставляет. Несмотря на то, что день сегодня выходной, мне Мария Тимофеевна приказала ввечеру быть на поляне, где ещё алконосты на учение летают, а пока мы с батюшкой моим чаёвничаем, и я его расспрашиваю о том, что тревожит меня. А он по-новому смотрит на платье форменное, мне выданное, да вздыхает.

— Мала ты ещё, — произносит батюшка. — Да, видать, ведомо Яге грядущее, не зря же одежду форменную носишь ты теперь.

— А она форменная? — удивляюсь я.

— Давеча Кощей-батюшка для девиц одежду ввести повелел, ведь равные права установлены, — объясняет он, о чём-то задумавшись. — Грядёт что-то, дочка. И договор вроде у нас, да что немчуре безязыкой тот договор. Волхвы говорят — готовиться следует, а ты у меня в небе живёшь... Вот что, пойдём-ка.

Вопросы «куда» и «зачем» я не задаю — батюшке виднее. Он вчера новый чин получил — полусотника, а это многое значит в горынычевой сотне. Самый главный вопрос мой без ответа не остался — могут и войной на нас пойти. Но я верю — горынычи как налетят, как изничтожат врага, и будем мы в их стольном граде пировать, ведь Тридесатое сильнее всех.

Выйдя из терема нашего, батюшка свистит переливчато, и в тот же миг с неба молнией чёрной одноголовый горыныч спускается. Он ездовой, трое сидений на лоснящейся шкуре видны. И выученный ещё — никак наличие меня не прокомментировал. Повинуясь батюшкиному жесту, залезаю я на место лётницы, хоть и не положено мне. Теперь нужно уговорить змея, пока батюшка усаживается.

Я для горыныча не лётник. Во-первых, они к мужчинам привыкли, во-вторых, не слишком умею я. Но змей же летучий, значит, живёт небом, как и я. И вот я мысленно обращаюсь к нему, будя в памяти воспоминание о полёте, о синем небе, о счастье. Поначалу кажется мне, не выйдет ничего, но затем змей поворачивает морду, в глаза мои вглядываясь. А я зову его в небо, притом батюшка тихонько сидит, ничего не говоря.

И вот змей кивает медленно, будто соглашается. Воины ему приказывают, а я, зная, что приказа моего он не послушает, по-доброму с ним стараюсь, как с подруженьками моими. Я открываю ему мои помыслы, моё стремление, и, кажется, он понимает меня. «Сестра по небу», — доносится до меня чужая мысль, а затем горыныч резко устремляется в небо. Кого другого это бы испугало, а меня волной счастье накрывает, ведь делим мы небо сейчас на двоих.

Горынычи разумны, ведь их создатель и главнокомандующий трёхголовый тоже разумен. Они, конечно, своенравны и не слишком умны, потому им лётник и нужен, но сейчас принимает меня собрат по небу, и кружится земля-матушка, пока я радостно смеюсь. Непредставимое, невообразимое счастье затопляет меня, и снова, как и давеча, все заботы забыты моментально.

— Молодец, дочка, — гудит батюшка из-за спины моей. — А теперь отправляйся на поле лётное, покажи своё умение.

И я, делясь своим счастьем с горынычем, прошу его лететь. И он уже готов выполнить мою просьбу, ведь она для него совсем пустяковая. И летит он, закручивая петли мёртвые да бочки с резкими разворотами, показывая, ведь едины мы в небе со змеюшкой, деля на двоих свой восторг. А с земли люд разный смотрит, наверняка же удивляясь. Но вот показывается и поле, куда стремительно пикирует горыныч. И не хочется мне с небом расставаться, да не спрашивает никто. А змей будто поддержать хочет, он делится со мной мыслью, что в любой момент ждёт, ведь едины мы в небе. С горынычами можно быть начальником, можно — другом, а вот братьями они редко кого называют.

— Девка?! — громогласно удивляется кто-то, а я обнимаю змеюшку, благодаря его за небо. — Ого!

— Дочь моя, — объясняет батюшка мой. — Небом живёт.

— И горыныч приказа послушал? — к нам сотник подходит, с интересом на меня глядя, но змеюшка меня от него крылом прикрывает отчего-то вдруг.

— Змеюшка сестрой по небу меня назвал, — я глажу укрывшее меня крыло, признавшись в том, как уговорила горыныча.

— Вот даже как... — сотник на меня смотрит с уважением. — А сюда чего? — это он батюшку спрашивает.

— Платье форменное выдали, а уставу не научили, — объясняет ему тот. — Не по Правде это. Вот я и подумал...

И вот теперь меня принимают учиться. Сотник зовёт воина молодого, Ильей звать, и тот принимается меня учить ходить правильно, доклад давать и говорить. Час учит, два учит, и сурово так, почти до слёз. Обиду не творит, но всё равно почти до слёз доводит, да только не заслужил он, чтобы я ему себя показала, оттого и держусь. А вот затем говорит Илья, что я очень даже умница и за это меня сейчас щами накормят воинскими.

От похвалы я, конечно, улыбаться начинаю, но затем на оберег свой смотрю, замечая, что мне скоро уже спешить надо. Так что не выйдет у меня воинскими щами полакомиться, собираться надо. Но прежде чем уйти, надо мне командира моего в известность поставить и со змеем проститься. Сначала-то я Илье объясняю, что мне надо на учении быть, отчего он почему-то грустнеет, а затем так, как он научил, я к батюшке иду. Шагом строя воинского, потому что так положено.

— Десятник, — обращаюсь я к нему, как по службе положено. — Лётница Лада учение закончила, прошу дозволения к Марии Тимофеевне отправляться.

— Сюда она прибудет, — информирует меня батюшка. — Потому поешь с Ильёй, а затем уже и приходи.

— Буде так! — отвечаю ему, на что батюшка улыбается.

А Илья меня к едальне¹ ведёт воинской, где меня со всем вежеством принимают. Видели, поди, и как со змеем летала, и как затем Илья меня гонял, потому и принимают. Простая воинская наука — есть девица среди воинов, и принимают это как должное, так и не нужно ненужных вопросов задавать. А наставник мой по шагу, для строя предназначенному, требует для меня обед лётника, что удивляет уже меня.

— А съем я столько? — удивлённо спрашиваю его.

— Куда ты денешься, — смеётся Илья, с ласкою на меня глядя. — Ну-ка, навались!

Это значит, что надо к трапезе приступить, потому что времени не так много. А щи густые, с кислинкой, отчего я ем и нахваляю только. Очень мне еда воинская нравится, ведь именно к ней я привычная. Как матушки не стало, батюшка меня часто с собою брал, чтобы в пустой горнице не оставлять. А воины его жалели меня, отчего кормили да премудростями делились.

Интересно, отчего наставница прямо сюда прибудет? Неужели летать учить станет? Тогда я очень счастливой буду, ведь живу я небом синим.

Выслушав мой доклад, мягко улыбается мне Мария Тимофеевна, на ступу кивнув. И я уже к ученическому месту спешу, а она головой качает, показав мне, куда надо. То есть на место лётницы, а она устраивается вместо путеводницы. Значит, верит в меня, что меня теплом наполняет.

¹ Столовая

— Задача у тебя такая, — сообщает мне наставница. — Взлететь над соснами и слушать команды. Управление только мыслью, оттого метла остаётся на земле.

— Буде так! — отвечаю я, потому что иного ответа не предусмотрено.

И вот я оказываюсь на месте лётницы, осматривая ладовник, путь-круг и указники помельче — тут и направление, и скорость, и высота. А ещё управление, конечно. Обычно метлой всё регулируется, а раз метлы нет, то управлять нужно ладовником да мыслью. Получив команду, посылаю мысль-подъем, одновременно разгоняя ступу.

Это как раз не слишком принято, но батюшкина наука говорит о том, что указывать, откуда взлетела, неправильно. А скорость набрав, я уже не беззащитна, в случае чего и увернуться смогу. Наставница пока молчит, но не ругает, значит, нравится ей пока всё. «Над соснами» — это отметка сто, а не пятьдесят, проверяет меня наставница. А вот «над берёзами» — это как раз полста и будет, так принято. Взявшись ладонью за ладовник, подправляю направление, идя в точности на рассвет. Так в наставлении записано.

— Курс двадцать, — коротко произносит Мария Тимофеевна.

— Буде так! — сразу же подкорректировав направление, отвечаю ей. Указники ступные стороннему взгляду не видны, но всё равно имеются, ведь ступа учебная.

В древности ведуньи лишь метлу имели в ступе, и вот тогда направление да скорость определить задачей было очень непростой, но Кощей с Ягой всё учли, поэтому любая ведунья может обучиться навыкам полёта на ступе. Вот только насколько я понимаю, будут нас со ступ пересаживать, вопрос только когда? А пока я спокойно лечу в указанном направлении.

— Курс сто семь, — следует следующая команда, а потом полной неожиданностью: — В полёте и не на людях можешь тётей Машей звать.

— Буде так... — ошарашенно просто отвечаю ей.

— С месяц полетаешь в ступе, — продолжает она свою речь. — Как раз испытания школьные завершатся. А затем, если ничего не случится, пересядешь в ладьяшку. А коли случится, тогда и посмотрим.

— А почему? — решаю я все же спросить.

— Яга-матушка доказать хочет, что и девицы в воинском деле удалы, — спокойно мне наставница объясняет. — Так что на тебя всё Тридесятое смотрит.

И говорили уже вроде о таком, но без упоминания ратных дел, а тут, выходит, от меня многое зависит. Намного больше, чем я себе навоображала. Но и подвести я не могу, потому как тогда меня без неба оставят, а как же я тогда? Вот и буду теперь стараться изо всех сил. А пока лечу под небом, пока тётя Маша не командует обратно возвращаться.

— Сейчас часа два отдыхаешь, а затем, как день уйдёт, вновь летать станем, — информирует меня наставница.

— Буде так! — отвечаю я единственным возможным образом.

Она идёт к командирам, а я думаю, чем бы заняться, но тут оказывается, что Илья никуда не уходил. Заметив, что я одна осталась, он обнаруживается рядом. Чашу с квасом мне подносит, за что я ему очень даже благодарна, потому как пить хочется, понервничала я, да и внимание требуется там на высоте. А он улыбочивый такой, отчего и мне улыбаться хочется.

— Отпустили тебя? — интересуется добрый молодец.

— На два часа, — улыбаюсь я, ощущая себя сказочно, а затем добавляю мечтательно: — А затем опять летать буду.

— Нравится тебе это, — кивает он, рукой мне в сторону показывая. — Пойдём погуляем?

— Пойдём, — киваю в ответ, в душе радостно очень, и о приличиях не думается совсем.

Не слишком прилично мне с добрым молодцем гулять, рано ещё, но мы в войске сейчас, получается, а тут правила другие немного. Насколько я понимаю, конечно, потому что он вроде бы командиром надо мной поставлен, а вроде и нет. Не очень это мне ясно, но пока никто не

возражает против того, чтобы я с Ильей прогулялась. А вот он, будто понимая, о чём я думаю, рассказывать принимается.

— Мы в войске сейчас, — негромко произносит он. — Ты в форменном платье, значит, тоже в войске. Здесь никто не обидит, потому батюшка твой спокоен, а тебе силы нужны перед ночью. Сейчас на бережку посидим, берёзку обнимешь и вернёшь силы себе. А о дурном не думай.

— Я не буду, — совсем по-детски обещаю ему. — Знаешь, а меня сегодня горыныч сестрой по небу назвал.

— Ого, — удивляется Илья. — Это очень хорошо, значит, он тебя и защитит, и повезёт без колебаний. Немногие таким похвастаться могут.

Это, положим, и я знаю. Всё же батюшка от меня ничего не скрывает, поэтому ведомо мне многое. А молодец, что рядом идёт, рассказывает мне о том, где мы сейчас находимся и для чего это место существует. Я же чую, не просто так ему меня поручили, есть в этом какая-то тайна, мне неведомая. Но раз мы в войске, то нужно ждать, когда скажут. Батюшка говорит: всё, что нужно, и так расскажут. Вот я и погожу.

И вот тут я берёзку вижу, к которой просто тянет меня. Не отдавая себе отчёта, я вдруг делаю к ней шаг. Просто поворачиваюсь, идя к ней, а Илья замолкает, будто враз всё поняв. А манит она меня очень, ведь силы свои я потратила, пока летала. Сама не заметила, усталость только сейчас почуяв. И вот я подхожу к ней, внутренне поздоровавшись, а приглашение почуяв, обнимаю её, сутью своей потянувшись.

И в этот миг я будто матушкины руки, меня нежно оглаживающие, чувствую. Теплом изнутри наполняет, а Мать-природа через берёзку эту силой меня ведовской наполняет, как кувшин водой. Была бы я тут одна, от ласки её расплакалась бы, но мне нельзя. Странно, у школы берёзки так мне не отвечают, а эта ластится, как живая, да ещё кажется мне, что обнимают. Неужто мне тепла женского не хватает? Не хватает, конечно, ведь некому меня обнять да косу заплести. Не будет матушки больше никогда, оттого и плакать хочется в этом тепле материнском, ведь для всех нас Мать-природа матушка, для всех ведуний.

Будто вечность проходит, когда я наконец расцепляюсь. Быстро смахнув выступившие слёзы, чтобы Илья не видел, поворачиваюсь я к доброму молодцу для того лишь, чтобы обнаружить, что спиной ко мне он стоит. Сначала я чуть было не обижаюсь, но затем доходит до меня: смущать он не хочет, оставляя меня наедине с берёзкой волшебной.

И благодарность моя прорывается словом тёплым.

О ночном небе

Тётя Маша говорит, что отныне мы только ночью летать будем, поэтому на испытаниях школьных я сонной буду. Яга же, что всё про всех знает, мои испытания на час сдвигает, давая возможность мне выспаться. И вот иду я в школу, а сама раздумываю о том, что ночью летать страшно очень, но понадобится это может только ночью, чтобы враг во тьме убить не мог. Но тогда это значит, что к бою меня готовят, вот что. А нынче мы будем уже с Варварой, меня поджидающей, летать — вдвоём, но сначала испытания последние.

— Здрава будь! — радуется мне подруга самая лучшая, а я к ней тянусь, конечно, чтобы обнять. — Всю ночь не спала?

— Нынче и ты не будешь, — хихикаю я, ведь не знает она пока, что нас ждёт. — Готова?

— Готова, подруженька, — ласково, как мне кажется, она произносит. — Пойдём уже.

И входим мы в пустынную школу, потому как класс-то наш письменное испытание выдержал уже, только мы с ней остались. Так что будем сейчас писать сочинение... Или на свободную тему, то есть о том, почему мы в самой лучшей стране на свете живём, или что-то придумают наши учителя. Я бы на свободную тему писала, потому что так проще всего, но меня-то как раз спросить и забыли.

Сегодня мы на третьем этаже школьного терема, потому что в большой кабинет нас тащить толку нет, вдвоём мы всего. Вот что интересно — отобрали нас вшестером, а ночные, получается, только у нас двоих. Любопытно, отчего так... Но я думаю, рано или поздно нам расскажут. Сейчас важно нам на сочинении на народную речь не сорваться, а то будут разговоры неприятные. Так настраиваюсь я внутренне, а Варвара улыбается едва заметно.

— Лётницы наши подоспели, — Кикимора Александрова вмиг нас замечает. — Ну что же, усаживайтесь, для вас тема от самой Яги.

— Буде так! — рефлексивно отвечаю я, потому что приучилась уже.

А она только головой качает и вздыхает едва заметно, но за парту нас зовёт. А я всё думаю: вот мне шестнадцать завтра, как и Варваре, но никто не говорит, что мы малы, а только дают нам дело. Ещё и показывают, как много от этого зависит, поэтому я, наверное, и забываю о том, сколько мне годков-то. Однако нужно возвращаться к испытанию сил наших.

— А тема у вас, девочки, сложная, — сообщает наставница наша. — Опишите, что для вас небо.

Да, тема сложная, потому что небо — жизнь моя. И Яга это знает, потому, выходит, не самая простая тема и обдумать её надо очень даже хорошенько. И, окунув новомодное перо в чернила, я приступаю. При царе, говорят, гусиными перьями писали, там навык серьёзный нужен, потому школа часто для детей страшной была. А Кошей, наш великий вождь, сказал, что учитель повинен учить, а не пугать. С тех пор у нас перья удобные, и карандаши ещё есть. Они, положим, ещё раньше были, но теперь их удобно в руку брать.

Уйдя в свои мысли, пишу быстро, а Кикимора Александровна отчего-то нервничает и места себе не находит. Мне это заметно, ведь не первый год она нас учит. Конечно, в сочинение надо избранные речи Кошей вставить, но это обычное дело, потому как он наш Вождь и Учитель, а если на него сослаться, то и отметка выше. Это всем ведомо. И хоть нет у нас слепого поклонения, как с царём-то было, а учитывать надо.

И вот я заканчиваю одновременно с Варварой, откидываюсь на спинку скамьи, чтобы ещё раз написанное прочесть, краем глаза отмечая, что учителей больше стало, но до поры, пока работа моя не сдана, их для меня нет, даже если сам Кошей явится. Устав воинский очень строг, меня ему уже поучили, потому и знаю я. А завтра...

Завтра парад будет, не в честь моего дня рождения, конечно, а праздник у нас. Угрозило меня в самый праздник родиться, но не изменить этого. И будет парад воинский, на который батюшка меня наверняка проведёт. Очень я люблю смотреть на колесницы боевые да печки самоходные. Печки — они же крепкие, броня на них каменная, а ещё метатели сильные, и хоть небыстрые они, а грозные очень. Люблю я на воинство русское государства нашего Тридесатого смотреть, отчего батюшка шутит, что живёт во мне воин земли нашей. А может, и не шутит...

— Лётница Лада готова, — не успев поймать себя за язык, докладываю я.

— Эх, девочки, — вздыхает Кикимора Александровна, забирая мою и Варварину работу.
— Свободны вы, идите уж.

Значит, отметки после скажут, а сейчас можно чем-нибудь заняться, но я бы поспала перед ночью. Наверное, стоит и подруженьку уговорить, потому как знаю я, что нас ждёт, а она как раз нет. Вот молча покидаем мы незнакомый класс, хотя в нём от нашего отличие небольшое, разве что втрое меньше он, но доска имеется, портрет Кошея над ней, шторы зелёные... А учительского стола нет, только шесть парт, и всё. Знать, особый это класс, но мне-то что...

— Варь, — обращаюсь я к подруженьке. — Пойдём почивать до вечера?

— Хм... — она задумывается так, что даже останавливается. — Ты что-то знаешь, — с подозрением смотрит мне прямо в глаза, обернувшись.

— Знаю, — киваю я. — И ты знаешь, да не всё. Тебе сказано ввечеру к терему явиться, и мне тоже. Мы с тобой полетим на учение воинское. Почитай, всю ночь летать будем.

— Ой... — Варвара показывает, что действительно не подумала, а я её уже за собой веду.

— Пойдём, потрапезничаем и почивать ляжем, — предлагаю ей. — А Тихон Петрович нас аккурат ко времени разбудит.

— Согласна! — заулыбавшись, кивает мне подруженька.

Конечно, согласна она, ведь пока идём, и поговорить можем, и ещё подумать вдвоём, отчего именно к нам такое отношение. Где Смиля и Злата? В ночном полёте я её не видала, а на воинское поле только Варвару мою зовут. Значит, тайны у нас неясные, но тут, как батюшка говорит, обождать надо. Всё, что нужно, и так расскажут, а коли не расскажут, то и не надобно это.

Нам предстоит сегодня лететь над озером, облетая Златоград. Так столица называется, она недалеко тут. Именно поэтому мне нужно будет, вывозя подруженьку, облететь столицу и затем доложить все замеченные необычности. А они должны быть, хотя, что именно ожидается, мне и невдомёк. Но наставница тётя Маша просто так ничего не скажет, лишних слов у неё нет. И значит это только то, что проверять будут не только нас, но и стражу воздушную.

Кажется мне всё же, что готовится Тридесатое... ой! Завтра же парад, конечно, готовится! Батюшка сказывал, что перед парадом проверяют боеготовность всех, чтобы, если что, не взяли нас тёпленькими ото сна. Вот и повелел Кошей сначала проверять. Батюшка меня никогда не обманывал, значит, рассказанное им и есть настоящая правда.

День моего рождения... Именно день, когда родился, а не именины праздновать тоже Кошей повелел, чтобы не имянаречению радоваться, а дню, когда миру русскому подарили меня. Здорово, по-моему, хоть старики и ворчат, но что здесь ворчать, правильно же. И с самого утра меня все поздравляют, а затем я дар великий от тёти Маши получаю — мне предстоит лететь на параде в одном ряду с прославленными девами земли русской, и хотя тренировались мы с Варварой, да только страшно очень.

— Ничего не бойся, — Мария Тимофеевна строго на нас с прибежавшей уже подружкой смотрит. — Ты всё умеешь и летаешь прекрасно. Я буду рядом.

— Я постараюсь, — улыбаюсь ей робко, потому что всё равно же боязно.

— Строй ведёт Яга, — продолжает пугать меня тётя Маша. — Это твоя возможность показать, что ты умеешь.

— Буде так, наставница, — отвечаю ей, отлично понимая, что меня не спрашивают.

Зачем-то даже не наставнице, а самой Яге надо меня людям показать, вот что это значит. Батюшка кивает, понимая, что я догадалась, а наставница мне платье парадное протягивает. Оно такое же зелёное, как и строевое, но с серебряной оторочкой, а ещё на нём имеются знаки специальные у ворота самого. Они зовутся «петлицы» по слову Кощея, то есть вождь их так называть повелел, и у меня в них по два крылышка. То есть я «старшая лётница», будто в войске уже, но ведь нет ещё? А зачем тогда?

— Ты не спросила, но я отвечу, — тётя Маша улыбается. — Если всё случится так, как Яга надеется, то будет у тебя дело особое, а ежели нет, то просто украшением красивым останется.

— Ясно, — киваю в ответ, потому что понятно же всё, чего уж тут не понять.

— А раз ясно, идите-ка, девицы, к ступе, — усмехается батюшка.

Он, верно, обо всём заранее знал, но ни слова против не сказал, а значит, это доверие большое. Значит, буду я парад сверху смотреть. Только я не помню, когда наш черёд — до горынычей или сразу после. Если после, тогда мне сила воли понадобится, ведь смрад от них тот ещё, а если до, то просто со страхом справится, что я умею. Вот закончится парад, пойду к матушкиному погосту, похвалиться да поплакать.

— Пойдём, подруга, — Варвара обнимает меня бережно, очень даже понимая, что у меня на душе творится.

Если бы не подруга, не пережила бы я гибель матушки. Согревала меня и водой отпавала и сама Варвара, и матушка её, что просто спрятала меня ото всего мира, пока я сама справляться не научилась. Да только нет-нет, а тянет поплакать, ведь мамы никогда у меня не будет уже. Тихонько вздохнув, запрыгиваю я в нашу ступу учебную, что у самого крыльца стоит, только сейчас заметив, что не учебная она.

— Тётя Маша! Ой... — я себя не успеваю остановить, но наставница моё удивление понимает, оттого и не ругает, наверное.

— На парад учебную не дашь, — объясняет она. — Так что у тебя есть полчаса покружить.

— Ура! — радуюсь я, помогая подруге закрепить ноги, включая затем оберег, что её в ступе плотно держит.

Небо! Я лечу к тебе, небо!

Ступа по-боевому устремляется в синюю безоблачную гладь, Моментально оказываясь на высоте. Качаются подо мной дубы, приветливо кивают сосны, а меня захватывает счастье невозможное. И только ветер свистит, а я счастливо смеюсь, ведь меня совершенно по-матерински небо обнимает. И будто нет горестей никаких, нет тоски незваной, а только я и небо.

— Курс двадцать три, — напоминает о себе быстро сориентировавшаяся подруженька.

— Точно двадцать три, — сразу же откликаюсь я, выводя ступу по направлению к столице.

Ладовник и здесь, а не метла, чего я не заметила даже в своём стремлении к небу. Но вот ступа не учебная, значит, теперь это стало делом обычным. С одной стороны, очень здорово, а с другой, от нападающих отбиваться как-то иначе надо. А вот как именно, я и не знаю. Но на параде никто напасть не сумеет, потому сейчас пока я спокойна.

Стольный град накатывается, вот уже и пригород потянулся. И тут передо мной указующий круг появляется. Это путеводы столичные кругами показывают направление — надо через круги пролетать, а ещё скорость снижать, ежели почернеет круг, потому как разбиваться в мои стремления не входит. А что входит...

— Мария Тимофеевна тыл подпирает, — сообщает мне Варвара. — Строго за нами идёт.

— Это хорошо, — киваю я, не отрываясь от направления, путеводными кругами указуемое. Вот уже и поле посадочное видно.

— Скорость половинка, — предупреждает меня подруженька. — И мя-ягонько плюхайся.

— Буде так, — киваю я, усаживая ступу в один рядок с такими же.

Теперь мне доложить надо, наверное. И, видимо, самой Яге, поэтому я выпрыгиваю из ступы, широким воинским шагом к командиру отправляясь. В голове ни одной мысли нет, но дохожу я нормально и доклад держу в точности, как Илья показывал да натаскивал. Наверное, оттого, что он меня гонял, всё получается у меня сейчас, и даже Яга в латах женских одобрительно глядит.

— Бравая какая, — улыбается она вдруг. — Что же, иди на своё место. В добрый путь.

— Буде так! — звонко отзываюсь я.

И кажется мне поначалу, что другие лётницы будут свысока на меня глядеть, но они вдруг очень ласково улыбаются и принимают ещё, вовсе не желая обиды чинить. От этого я, конечно, улыбаюсь, потому что тепло в душе становится очень. Я, выходит, не лишняя, а такая же, как они. И хотя понимаю я, что это не совсем так, но показывают мне сёстры-ведуньи, что мы действительно сёстры.

— Лётницы, внимание! — звучит строгая команда, и я, лишь на мгновение запоздав, взлетаю рядом со строем.

Шеренгой наш строй называется. Он парадный, ведь в бою лётники иначе себя ведут, а лётниц в бой не пускали до сих пор. Но вослед за нашей шеренгой алконосты выстраиваются, удивляя меня, конечно, а за ними уже и горынычи виднеются, и вот мы будто единым строем взлетаем, чтобы над площадью главной пролететь. А в груди моей от счастья замирает всё просто.

И хотя удел лётницы почту разнести или хворого в лекарню доставить, но парад мне дарит ощущение сопричастности. Как будто я тоже в бой готовлюсь и всегда готова по слову Кощееву на врагов земли нашей обрушиться. И летим мы, а на площади ещё печки боевые движутся за рядом ряд, но затем звонко что-то бахает, и Яга жестом показывает — пора.

Люди сверху такие маленькие, а Кощея и не увидеть, хоть и хочется очень. Но мне надо следить за тем, чтобы я вровень с другими летела, а сложно же это. Очень сложно, но я справлюсь!

Об изменившем жизнь дне

С раннего утра батюшку в выходной день вызывают в войско, что меня ничуть не удивляет — горынычева сотня к вылету в поля готовится, полусотник-то там всяко нужен, потому провожаю я его, а сама припоминаю, что мы с Варварой на поле лётное сегодня вызваны Ягой самой. По всему видать, понравилось ей, как я себя на параде показала, и теперь она хочет что-то сказать наверняка.

А вот из новостей у нас только то, что Тридесатое ещё Русью называть повелел Кощей, потому что исконное это название земель наших, отчего-то царями всякими забытое. Официальное название страны пока остаётся, а вот новое, которое старое, заново вводят, и учебники по слухам даже менять собираются. Ну да в школе узнаем, ведь нам с Варварой последний год остался.

— Собирайся, Ладушка, — Тихон Петрович сегодня необычайно ласков, будто случилось чего, мне до времени неведомое. — Уже и ступа прилетела.

Это придумка такая учёного нашего люда — специальные ступы могут сами по себе лететь, только медленно очень, но когда сама — оно и понятно, ведь иначе столкновение может быть. А молва бает, что Емельян к тому руки приложил, ну тот самый, что печи самобеглые изобрёл. Мне, впрочем, долго думать не хочется, я просто выскакиваю на крыльцо, где Варвара уже дожидается.

— Привет, подруга, — радостно приветствую я её. — Чего смурная такая?

— Да батюшку и матушку прямо с утра на службу позвали, — вздыхает она, в ступу залезая. — Непокойно мне отчего-то.

— Ну, может быть, указ какой новый, вот и позвали? — строю я предположение, уже не удивляясь, а просто берясь за ладовник. — Ты лучше путь указывай, заодно и отвлечёшься.

Особо путь указывать не нужно, дорога-то хорошо знакома, но тётя Маша говорит, надо опыт набирать. Варвара должна приучаться командовать путём, а я исполнять, не задумываясь. И потому она теперь будет рассказывать мне, как лететь, а я ступу пока в воздух подымаю. Оглядываюсь окрест и беспокойство входит в мою душу: вон алконосты куда-то всей сотней улетают, а правее заметны и навьи, они пока не по-боевому, хорошо заметны. А чуть дальше летучий корабль висит, принимая в себя воинов и нечисть разную. Будто учение большое, но ничего не говорилось о таком, оттого мне и беспокойно становится.

— Семнадцать, высота полсотни, скорость сотня, — коротко командует Варвара. Она не слепая, видит то же.

— Буде так, — откликаюсь я, выполняя команду. И ступа наша, разогнавшись, буквально со свистом по пути положенному разгоняется.

Всё же заметно, что войско собирается, вот есть у меня такое ощущение. Но по мере приближения к полю лётному, на котором наши ступы стоят, не замечаю я никаких спешных сборов. Только вот горынычей всего трое, по-моему, хотя это понятно на самом деле — при большом учении они первыми уходят. Варвара командует, и я пока думы тяжкие из головы выбрасываю, аккуратно на посадку идя.

Ягу я не вижу, а вот тётя Маша задумчивой очень выглядит. Я, конечно, выскакиваю из ступы, к ней направляясь, ведь доклад держать надо, нас так научили с Варварой. Отдельно учили, но и ей это знакомо. И слушает меня тётя Маша, затем только улыбнувшись мне добро. На лице её тревоги не видно, лишь задумчивость, значит, сама мне всё расскажет, а пока надо лишь чуть потерпеть.

— Лада, бери Варвару и сейчас же... — начинает она, но договорить не успевает.

Прямо с неба звучит звон, невидимые колокола отбивают сигнал «Внимание всем», и это настолько необычно, что я замираю на месте, а тётя Маша произносит что-то вроде «дождались», только я её не воспринимаю. Предчувствие чего-то не самого лучшего окатывает меня студёной волной. Схватившись за руку подруженьки, поднимаю я взгляд к небу, из которого смотрит лицо Кощея, но не привычное, добротой наполненное, а суровое.

— Слушайте, граждане Свободного Тридевятого Государства! — произносит он, и слышны его слова во всех уголках земли нашей, я знаю это. — Труженики мастеровые, крестьяне полевые, воины и богатыри ратные, ведуньи мудрые, матери и сёстры, братья и отцы, слушайте!

И будто вся земля замирает. Перестают суетиться воины, замирает на середине шага волхв, к штабному терему идущий, не шелохнётся ни травинка, ни листочек, и даже, кажется, ветер замирает по слову Кощееву. А он несёт нам весть недобрую, чеканя слова, будто молотом их в твердь земную вбивая.

— Сегодня на заре ранней, без весточки и без вызова, рать чужестранная перешла наши рубежи. Немцы чужеземные ударили по городам многим, нарушив мир, что держался честно, — звучит его речь, внушая какой-то внутренний страх. — Враг не послал ни посла, ни грамоты, а сразу принес огонь и разорение. Пали житницы, загорелись дома, пролилась кровь людская.

— Ой, мамочки, что же будет, — негромко взвизгивает Варвара, и я обнимаю её, деля страх на двоих.

— Сегодня говорю я слово решительное: встать всем народом на защиту Государства Тридесятого, — приказом звучат его слова. — Артелям — укрепить труд, крестьянам — снабдить страну, воинам — держаться, берегиням — поддержать ратников, матерям и сёстрам — нести дух стойкости, отцам и братьям — стать плечом к плечу.

— Не всё так просто, по всему видать, — почти на ушко говорю я ей, и понимает меня подруженька вполне — раз Кощей силою своей не сокрушил немцев поганных в тот же миг, значит действительно непростые времена пришли.

— Теперь вся сила Тридесятого Государства поднимается: и Златоград, и Китеж-град, и Кошеград, и все деревни и сёла. Народ встанет стеной, а Кощей поведёт державу вперёд, твёрдо и без страха, — ой, не зря он о страхе говорит, не зря. Значит, сейчас будем мы спрашивать тётю Машу, что совершенно точно знает о происходящем поболее нашего. — За нами Правда, мы победим!²

А затем гимном звучит песнь стародавняя, что ещё во времена царя Гороха людей и нелюдей на бой поднимала. И понимаю я в этот миг — старой жизни конец. Теперь пока не разобьём мы ворага лютого, на нас войной пошедшего, не будет нам покоя. Но я делаю шаг к тёте Маше, ведь не зря же нас с Варварой учили, глядишь, и мы на что-то сгодимся. Я верю — рати наши прогонят врага, на нашу землю покусившегося, и к листопаду уже прибьют щит Тридесятого к воротам их логова. Я верю изо всех сил, но всё же иду к наставнице, чтобы вопрос задать.

А вот она смурная стоит, отчего-то вздыхая, но меня прогнать не желает, что надежду мне даёт, конечно.

Батюшку я даже обнять на прощанье не смогла, ведь сотня его сразу в бой отправилась. И Илья, наверное, с ними... А я к тёте Маше с вопросом — что мне-то делать? Но она только вздыхает и на ступу боевую мне показывает. Ну ту, на которой мы парадом шли. Варвара только кивает, а я не очень осознаю произошедшее.

² По мотивам обращения Молотова 22 июня 1941 года

— Летишь вокруг города да вдаль смотришь, — объясняет мне наставница. — Ежели что необычное увидишь, сразу звёздочку красную бросаешь, поняла?

— Буде так! — радостно улыбаюсь в ответ, ведь дело же настоящее.

Надо добрых вестей ждать — о том, как наши рати гонят врага с земли Тридесятого, чтобы уничтожить его. Раз прямо настолько не хватило мозгов, чтобы на нас напасть, то сами виноваты. А мы сейчас столицу облетать станем, чтобы никто к ней не приблизился. И хоть понимаю я, что некому, но дело же настоящее, потому зову я Варвару, в ступу лихо запрыгивая.

И поднимается наша ступа ввысь. Выше елей, выше берёз бежит огонёк по указнику, высоту указывая, но останавливаюсь я, только лишь когда Златоград полностью вижу, и тогда свой медленный облёт начинаю. Я не одна в небе — вижу алконостов пару пониже, а поодаль пара летучих кораблей вдаль собирается. Они воинство несут, чтобы немцев подлых поскорее прогнать. Что за немцы на нас напали, мне не так и важно — в Нави разберутся и отсортируют.

Плывёт ступа, командует подруженька, направление указывая, а я размышляю о том, что не просто всё. Ну ещё мне немного завидно — Илья-то наверняка уже в бою, а девчат в бой того и гляди не пустят совсем. Вот потому и завидно, а ступа летит. Нет никого необычного, да только кажется мне, вижу я тучу чёрную, с заката накатывающую. Невозможно это, но внутренне ощущается. Это у ведуний бывает, потому я и не волнуюсь.

— Домой со мной пойдёшь, — говорит мне подруженька вдруг. — Неча тебе в пустом тереме одной. А мама рада будет.

— Да и я рада буду, — вздыхаю в ответ. — Волшебная у тебя мама...

— Ничего, всё ладно будет, — она будто гладит меня, хоть и нельзя это сделать в ступе — отделены мы друг от дружки. — Закончится война, придут наши батюшки, и заново счастливо жить станем.

— Скоро закончится, — улыбаюсь я. — До листопада наверняка!

Часа три мы так летаем, а затем я уже голод чувствую и на посадку иду. То значит — силы ведовские заканчиваются, надо поесть или берёзку обнять, сил у Матери-природы попросить. Но пока смысла в том нет — мы не в бою, да и вряд ли будем, потому просто поедим и опять отправимся.

— Лада и Варвара, — тётя Маша сразу же к нам подходит. — Ешьте и домой направляйтесь, отныне лишь по темноте летать станете.

— Буде так, — только и отвечаю я, выпрыгивая из ступы, но едва не упав — действительно силы кончились.

Мы идём к едальне, ведь там питаться принято, а на душе у меня отчего-то невесело. Я хоть и завидую Илье, но беспокоюсь, конечно, ведь война. О том, что на войне убить могут, слышана я, конечно, поэтому, наверное, и не по себе мне сейчас. Но прогнав мысли грустные, направляюсь я вослед Варваре к столу широкому, на котором уже и обед паром исходит.

Едальня полевая — это стол длинный с лавками по обе стороны под навесом. Лето в самом разгаре, от солнца яркого полог закрывает, а против дождя чары имеются. Вот мы с подруженькой усаживаемся рядышком, сразу же к еде приступая. Ступу за нами, похоже, закрепили. Это значит, что пешком ходить почти и не придётся, а лишь летать, опыт нарабатывая, но сейчас надо поесть, а то не полетим никуда. Очень много сил берёт ступа на самом деле, потому в бою с ней сложно будет.

Поев, чувствую я прилив сил, улыбаться враз начав. Обняв Варвару коротко, поднимаюсь я, к транспорту нашему направляясь. Всё, что двигается, теперь «транспортом» прозывается, потому что Кошей слово это выдумал, чтобы одно наименование для всего использовать. И хоть подозреваю я, что слово нерусское выбрал он, но вождю виднее.

— Командуй, — улыбаюсь я подруженьке своей. — Тебе опыт тоже нужен.

— Ага, — кивает она, вмиг рядом оказываясь. — Подъём на полсотни, курс сто семь и скорость тридцать.

— Буде так, — отзываюсь я, потому что правильно так по уставу воинскому, а мы на войне. Хоть и сбоку припёка, но всё же на войне.

— Держи тридцать, чтобы птиц ртом не ловить, — хихикает она.

Это шутка старая: на скорости большой можно гусятиной на лету потрапезничать, значит. Но разобрать и приготовить встреченную птицу только Яга умеет, кажется, а мы ещё нет, потому стоит осторожничать нам с Варварой. Возражает подруженька против сокращения имени её, с самого детства возражает, оттого и зову я её полностью. А коротким её только мама зовёт, что и понятно — мама же.

— Курс сто двадцать, — командует подруженька моя. — И на посадку сразу.

— И на посадку сразу, — киваю я, отправляясь, куда сказано.

Её терем на краю деревни служебной стоит. Это значит, что только служивый люд здесь обретается, а простых крестьян и нет совсем. Эту моду тоже Кошей завёл, чтобы можно было всех скопом вызвать, тайн никаких не выдавая. Вот я и сажусь прямо рядом с теремом, только сейчас задумавшись о том, что мы же ещё несовершеннолетние, а ступу нам выдали. Это не очень обычно на самом деле.

А на пороге нас уже встречает Любава Ивановна — мама Варвары. С тревогой и с улыбкой ещё она смотрит на нас, пока я ступу мягко усаживаю. И вот тут, приткнувшись прямо у порога, замечаю я — платье на ней военного кроя, прямо как на нас обеих. Она старшица лекарни, но у них, кажется, форменное платье другое. Спешить с вопросами я не хочу, ведь бабушка говорит, что всё нужное и так расскажут.

— Мама! — спешит к ней Варвара, а я медленно иду, хотя в этот миг завидую подруженьке.

— Ладушка, что ты, как неродная, — улыбается мне та, что давно ещё её просто тётей Любой звать разрешила. Она дочку обнимает и ко мне рукой тянется.

И не выдерживаю я, вмиг рядом с Варварой оказавшись. Очень трудно мне слёзы сдерживать, когда так обнимают. И подруженька очень даже понимает меня, прижав к маме ещё и своей рукой. На мгновение кажется даже, что мама вернулась, но не бывает тому, нет из Нави прямого пути сюда. И хотя знаю это, но принимаю объятия материнские тёти Любы, а она нас в дом обеих ведёт.

— Вот тут вы у меня обе жить будете, — показывает она мне, притом Варвара не возражает вовсе. — Сёстрами поживёте, а там поглядим.

И вот тут я наконец плачу. Потому что дар это великий — тепло души искреннее.

О вестнике черном

Привыкаем потихоньку мы, хотя вестей от родных почитай что нет, а Вестник Кощеев всё туманней говорит, и темнеет лицом от его речей тётя Люба. Да и мне всё тревожнее делается, отчего я ночами внимательнее оглядываю громаду столицы, в темноту погружившейся. Война приносит нам новые слова: «светоскрыт»³, «громень»⁴, «небобой»⁵. .. И вот мне нужно следить, чтобы Златоград был сокрыт ночью с воздуха.

— Тётя Маша, а почему? — интересуюсь я.

— Добры молодцы по ночному времени видят плохо, — объясняет она. — Оттого нечисть вражья налететь может. Не допустят такого, но кто же ведаёт...

А вот спустя две седмицы я уже готовлюсь лететь, но останавливает меня наставница. Она будто сначала прислушивается, а затем кивает, и понимаю я — вестник лишь ей видимый прилетел, значит, обождать надо. Тревожно мне за батюшку, да и Варвара тревожится почему зря, ведь давно от них весточки не было. Значить это может всякое, но вот сегодня в речах Вестника Кощеева промелькнуло «Китежградское направление», отчего мне морозно стало. Неужто враг одолевает нас?

— Сейчас полетишь с другой путеводницей, — спокойно произносит тётя Маша. — А Варвара с другой лётницей. Будь очень внимательна, многое от того зависит.

— Буде так, — ошарашенно отвечаю ей, ведь необычное это дело совсем.

Затем, обняв подруженьку на прощание, залезаю я в ступу, над которой звезда путеводная горит. Освещение над полем лётным погашено, только маяк световой луч вращает мерно, да путеводная звёздочка горит, чтобы я не убилась, в ступу залезая. Вдыхаю, выдыхаю, вполне уже понимая, зачем нас с Варварой разлучили — испытание сейчас будет. И её, и меня испытывать будут наставницы наши.

— Ко взлёту готова, — докладываю я, лишь почувствовав, что за мной кто-то уже стоит.

— Высота сто сорок, — очень знакомый голос заставляет вздрогнуть. — Курс двести, скорость сто.

— Буде так! — выдыхаю, рывком подымая ступу над лесом.

Я его, конечно, не вижу, но сейчас это неважно — я привычно по указникам ориентируюсь. А за моей спиной, по голосу судя, сама Яга стоит и по пути меня ведёт. Ответственность это огромная, ведь если плохо себя покажу, не видать мне неба. И осознавать это страшно очень. И вот я лечу, её командам подчиняясь, а Яга отчего-то вздыхает.

И будто ответом на её вздохи, вдруг откуда ни возьмись, луч света яркого меня ловит. Я слепну моментально, испугавшись, но при этом ступе приказ отдаю на землю пасть, а затем к небесам взлететь и сразу же в сторону податься. Луч не успевает за мной, и гаснет свет, а я вперёд лечу, стараясь бешено бьющееся сердце успокоить. Напугалась я совершенно, просто слов нет, как напугалась.

— Ты понимаешь, что там могут убить? — слышу я спокойный голос Яги.

— Везде убить могут, — отвечаю я ей, стараясь размеренно говорить. — А так земле родной послужи.

— Героические мои девочки, — вздыхает легендарная наша. — Летим домой, курс двадцать пять.

— Буде так, — отвечаю ей, пытаюсь сообразить, о чём она говорила только что.

³ Светомаскировка.

⁴ Бомба.

⁵ Зенитное орудие ПВО, зенитка.

Вопрос у неё обычный вполне, как и ответ мой. Ежели за право в небо лететь жизнью заплатить надо, тогда согласна я. На всё согласна, ведь нет мне жизни без неба. А Яга очень необычная сегодня, будто знает что-то важное. И вот пока мы летим, негромко рассказывает она мне, что учиться придётся много, если всё получится. Ну, учиться я всегда не против, поэтому только киваю.

А подрагиваю я ещё после испытания страшного, но послушно веду домой нашу ступу, хоть и понимаю, что не всё так просто и не зря она меня спросила. Неужто девчат думают в бой пускать? С одной стороны, радостно, а вот если призадуматься, то страшно очень. Ведь значит это тогда, что воинов наших побил бессчётно... И батюшка... Нет, не буду думать о том, потому как плакать стану, а это на людях делать совсем неправильно.

Вот маяк лучом ворочает, только не страшный совсем этот самый луч, указующий мне, куда на посадку идти. И лес рядом наш, добрый, будто успокоить меня желает, отчего я себя в руки беру, мягко ступу опуская. Доклад мой о том, что полёт закончила, сам по себе получается, а мысли далече, что Яга понимает. Обнимает она меня по-матерински, из ступы вынимая, и вот так же, не отпуская, к тётке Маше, насколько я вижу, ведёт.

— Отлично себя Лада показала, — информирует легендарная наша наставницу мою. — Что там у Добры?

— Путеводица отличная, — из темноты лётница выступает, а Варвара ко мне кидается — видать, тоже нелегко пришлось. — Подучить только, и можно на любой путь ставить.

Я узнаю эту лётницу. Это Добродея, прозванная Крылатой, очень всем известная, потому что горыныча обуздала. Скорее всего, договорилась просто, но она первой была, потому знают её все. И вот она, значит, с подруженькой моей летала, загоняв её совершенно, я-то уж вижу. Но отзывается ласково, значит, всё ладно в результате у нас.

— Пойдёмте, девицы, — Яга, едва видная во свете звезды путеводной, нас с Варей приглашает за собой.

Она совсем не страшная, выглядит женщиной лет тридцати, хоть может как угодно выглядеть, я знаю. Она умеет прятать свою суть, а нам этому ещё учиться и учиться. Но сейчас зовёт она нас на разговор, не иначе. И вот поэтому не по себе мне очень даже. Я ко многому готова, ведь ради неба же... Варвара тихо рассказывает, что лётница грубо себя вела, спорила всё, но команды выполняла.

— Это испытали нас, — объясняю я, на что подруженька только кивает.

— Подруги ваши, Смиляна, Краса, Злата и Власта, испытание не выдержали, — сообщает нам Добродея. — Но летать умеют, потому учить будем, а вот к вам разговор важный.

— Мы готовы, — твёрдо отвечаю я. — Ко всему готовы, лётница Добродея.

— Да я заметила, — тяжело вздыхает она.

А вот почему она тяжело вздыхает, нам Яга сейчас рассказывать будет. И кажется мне, новости так себе у нас. Она сейчас не легендарной ведуньей выглядит, а уставшей женщиной, так и не скажешь, что нечисть. Казалось бы, что нечисти до дел людских? Но, видать, беда нынче ко всем пришла, иначе чего бы люди вместе с нечистью супротив врага встали?

— Ты всё поняла, — кивает мне Яга, и вот только тут я припоминаю, что мысли наши для неё не тайна вовсе.

Значит, ответила легендарная ведунья наша на мой внутренний, ещё не заданный вопрос, а вот теперь будет с нами говорить, чтобы важное решение принять. Да только мы ради родного края на что угодно согласимся, и знает она это. По всему видать, оттого и вздыхает тяжело.

Дома мы нынче, с тётей Любой сидим да новостями делимся. Промеж своих поделиться позволила нам Яга. Да и нам самим, пока Кощей решает, надо определиться — забоимся мы

али нет, дело-то серьёзное, дальше некуда. И вот на эту тему мы сейчас и разговариваем. Суть даже не в том, чтобы девчат в бой пускать, а в происходящем.

— Всё так, — кивает тётя Люба. — Немец всех нас изничтожить желает. Недооценили их поначалу, а оружие страшное, убивает так, что в Навь воин не попадает, куда души деваются, неясно. Деток малых мучает страшно, а девок в рабство гонит, да не всех. Земля проклятой становится, воины наши силы теряют, потому и наступает враг поганый.

— А девчата? — интересуюсь я, слыша недосказанность.

— Яга считает, что вы сможете, — вздыхает она. — Всё одно погибель. Чары Кошечевы не работают вовсе, но и ворожьи тоже, так что по-стариковски бои ведут, а мы к такому оказались не готовы. Всё у немца лучше: и колесницы, и рога, огонь мечущие, — но мы выстоим.

— Раз для всех погибель, невместно нам наособицу стоять, — уверенно говорит Варвара. — И что будет?

— А вот увидите, — грустно усмехается тётя Люба. — Покамест полетаете, а там посмотрим, что Яга с Кошечем порешат.

Новости у нас сильно так себе, выходит, но тут ничего не поделаешь — нужно нам силы в себе найти, чтобы супротив врага подлого выстоять, раз решил он Тридешатое да и всю землю нашу изничтожить. Вот только полона не будет, только лишь погибель чёрная. Готова ли я к тому?

— Ладно, подруженька, что сестры ближе, — обнимает меня Варвара. — Можешь меня коротким именем звать, позволяю.

— Ого, — удивляюсь я, её к себе прижав. — Тётя Люба, а можем мы сёстрами названными быть, чтобы не разлучили?

— Можете, — кивает тётя Люба с улыбкой. — Сама предложить вам хотела.

— Ты хочешь... — Варя смотрит на меня, будто не верит, а я киваю.

Сёстры, даже названные... Мы действительно становимся близкими, можем и силой делиться, и найти друг друга, ведь обряд для этого нужен. Но тётя Люба старшица, она и сама его провести может, сил у неё достанет. По обычаю, волхвы обряды вершат, да только сейчас они все среди войска заняты, потому мы по-домашнему. Мало ли что случиться может, а так мы точно друг у друга всегда будем и в Яви, и в Нави...

Потому прерываемся мы на обряд, что близкими нас делает. И хоть не помню я наутро, как он прошёл, да чувствую теперь Вареньку сестрой своей. Этого не объяснишь словами, а будто ближе мы сделались, как самые родные. Так я матушку чувствовала, как сейчас Варю, ну и тётю Любу тоже, конечно. Ну а затем от Яги вестник прилетает в виде сокола златоглавого.

— Сегодня вам на поле лётное не надо, — сообщает нам птица волшебная. — К завтрашнему вечеру готовыми быть.

— Буде так! — хором отвечаем мы с сестрицей названной, хоть этого не требуется.

— Интересно, отчего так? — вслух задумывается она.

— Решение принимают, — коротко тётя Люба отвечает. — Я в лекарию, хоть и мнится, отзовут меня.

Ответить я не успеваю, а Варя объясняет мне, что в школе ведовской лучшей лётницей была матушка её, потому могут вспомнить о ней, если войско девичье создать решатся. А решиться могут, потому что сегодняшней Вестник Кошечев сказал об оставленных городах и деревнях. И вот если правду молвил он, тогда враг, выходит, к самому Китежу, что по-новому Китеж-градом зовётся, подбирается. А от него и до Златограда не так далече. И хоть ясно мне, что прёт вперёд войско вражье, да только страшно от таких слов становится.

Оттого сидим мы с ней на завалинке, в небо синее глядя. Тяжко вот так сидеть и ничего не делать для защиты земли родной. Но Яга просто так не скажет, потому надо нам подождать, а завтра уже и летать будем, потому как причины иной, ввечеру на поле лётное являться, и нет совсем. Елисейск пал, в честь царя названный, и седмицы не продержался... Спалил его

немец огнём чёрным, всех погубил, и стариков, и детей, никого не оставил. Злой страшный зверь на землю нашу пришёл.

А ближе к вечеру, будто желая опору совсем из-под ног моих выбить, вестник к нам с Варей летит. Чёрная ночная птица точно к терему направляется, и я встаю, собою сестрицу закрывая, хоть и бесполезно это — весть, с которой послан, всё одно донесёт он. А ещё вижу я — не один он, будто туча, стая вестников на дома и терема деревни падает, отчего душа моя в пятки улетает, а сердце едва не останавливается.

— Старшая лётница Лада, — произносит вестник чёрный, горя вестник, — сообщаю тебе, что батюшка твой...

Не дослушав, чувств лишаюсь, чем сестрицу названую пугаю. А глаза открыв уже в лекарне, пытаюсь осознать я мир, в котором нет батюшки. Совсем одна я, выходит, осталась. Но матушка Вари, тётя Люба, вмиг чует, о чём я подумала. Она обнимает меня и заговор творит малым обрядом, меня под опеку беря. А затем увещевать принимается, говоря о том, что жизнь не кончена и она у меня есть.

— Бывает, и по ошибке вестников посылают, поторопившись, — объясняет она. — После войны узнаем, а пока надеяться надо.

— Я буду надеяться, — обещаю ей, ведь она права — вестников-то воины посылают, а воины могут и ошибиться, перепутать или поторопиться. — А ты...

— А до тех пор ты моя дочь, — твёрдо говорит мне тётя Люба, и я замираю. — Маму ты тем не предаёшь. Не веришь если, можем Ягу попросить...

— Я верю, — качаю головой, потому что ведомо мне — матушка из Нави подтвердит.

Яга может призвать суть из Нави и дать возможность поговорить, только не любит она этого. А матушка и тётя Люба подругами были близкими, потому она согласится, чтобы мама Варина и мне была, ведь для сестрицы моей названной в случае нужды она бы то же сделала. Потому и не надо тревожить Ягу, у неё достанет дел сейчас, а я поплачу чуток и снова буду готовой. Мне уже есть за кого мстить.

Тётя Люба, матушкой которую я назвать пока не могу, гладит меня по голове и успокаивает напевно, Варя же напугавшаяся рядышком сидит, то и дело обнимать принимаясь. Говорит она, что я как мёртвая падала, но жива, и хорошо это. Не время нам погибать, не время...

Я вспоминаю батюшку, каким он был, как говорил, как обнимал меня, поддерживал. Как сидели мы с ним на мамином погосте... А его могилы мне не видать, пока мы землю от чёрной немецкой тучи не освободим. Значит, надо постараться, ведь не один мой батюшка на проклятьем чёрным покрытой земле лежит. Многие уже, многие, даже и не знаю, скольких мы потеряли. Вот только то, что судьба даже не Тридесатого, а всей нашей Руси решается — то факт непреложный.

О ставших крылом

Я вижу подруг наших школьных, на самом поле стоящих, а ещё множество ведуний из старших — и кто школу закончил, и кто давно уже в другие дела погружён. У терема они стоят высокого, волховского, а чуть поодаль корабль летучий высится, да алконосты числом пятеро вокруг выются, дозор неся. А нам с Варварой прямо в этот терем надо. Смотрят на нас ведуньи удивлённо, но преград не чинят — платья у нас с сестрицей воинское.

Нынче поутру тётя Люба подняла нас, огорошив вестью о том, что ждёт Яга нас в тереме волховском. И платье на ней новое, тоже воинское, что удивляет, конечно. Но вот, переглянувшись, идём мы к терему с Варенькой. Передумать нам время дали, но я, например, решения не изменю, да и сестрица названная тоже, ведь трусостью это будет. А нам есть за что мстить уже...

— Пойдём, — вздыхает Варвара, уверенно дверь открывая. — Нечего ждать.

— Да, ты права, — киваю ей, входя вослед.

А за дверью не горница привычная, а ход такой, будто проём дверной вглубь продолжается, как в школе, где классы расположены, вот и тут так же. Идём мы с ней до второй двери справа, как нам тётя Люба наказала. А проход тёмный, и не видно почти ни зги. Ещё раз переглянувшись, входим мы внутрь, а там множество людей и нечисти сидит: и Яга, и тётя Маша, и тётя Люба, и лётницы известные, а вона в уголке ещё и снаряжница с ладильницей, судя по отметкам на платье форменном. Значит... А что это значит?

— Здравствуй, Яга! — шагом воинским придвигаюсь я ко столу, за которым легендарная наша обнаруживается. — Старшая лётница Лада и путеводница Варвара явились пред очи твои.

— Ладные какие, — улыбается Яга, а я замираю на месте — явление это редкое и красивое очень. — Ну что, ведуньи, старшая лётница Машей тренируема, оттого летает отлично, сама проверяла, а Варвара...

— Выше всех похвал, — смеётся та лётница, что Варьку мою загоняла.

— Хоть годами они не вышли, но берём мы их, — кивает мне Яга. — Выходишь за дверь, и в следующую направо заходишь. Там ждёшь, пока мы не отберём девчат всех. Поскучаете вдвоём пока.

— Буде так! — отвечаю ей, пока и не задумываясь о том, что это значит.

Оказавшись в светлой, но пустой горнице, я присаживаюсь на лавку, ну и Варенька рядом. Задумавшись об увиденном, я не замечаю сразу вошедшую ещё одну девицу. Знакома она мне — в прошлом году школу закончила. И вот заходит она, удивлённо озираясь, и только тут нас с Варей видит, явственно удивляясь.

— Заходи, присаживайся, — приглашаю я её. — Всё, что надобно, нам обязательно расскажут.

— А ежели не расскажут? — сразу же интересуется она.

— Значит, не надобно, — усмехаюсь я, ведь в войске мы уже. — Время дают, чтобы передумать, — объясняю я, только что это поняв. — А затем учить станут.

— Думаешь, не в ступах? — негромко сестрица спрашивает.

— Помнишь о лодчонках сказывали нам? — напоминаю ей. — Вот мнится мне, не просто так нам это рассказали.

А девчат всё больше становится, да растерянными выглядят они. Видать, не очень просто далась беседа с самой Ягой. А я раздумываю о том, что не зря нас гоняли ночью в основном. Горынычи летают днём, ведь ночью воины горынычевой сотни видят плохо, да и змеюшкам не слишком просто. Они, конечно, могут, но поди ещё уговори. А вот нас ночь тёмная не страшит совсем, если в светолуч не попадать. Но как от него спрятаться, ведомо мне уже...

Отошла я от вестей о батюшке. В себе спрятала маленькую Ладушку, что плачет от боли, да отогрела меня тётя Люба, которую всё чаще матушкой назвать желается мне, но пока не стану. Назвала она меня своей, потому не сиротинушка неприкаянная я, но себя-то не обманешь. Не солжёшь себе, и не спрячешься, оттого понимаю я всё. Но поплакать мне есть кому, отчего в руки я себя взяла уже. После войны неделю плакать буду, как Несмеяна прямо.

Правда, Несмеяна, царевна бывшая, давно не плачет. Как Елисея скинули, так и перестала она. То ли Кощей ей намекнул, что мертвяки молчаливые, то ли действительно царь её против воли за старика заморского выдать возжелал. И тогда правильно, что его скинули, ведь нельзя не по Правде поступать. Так Кощей говорит, и богатыри, на его сторону вмиг вставшие, тоже. А нечисть оказалась не такой уж и злой, когда к ней по чести обращаться стали, с вежеством, значит.

Горница полна уже девушками и женщинами постарше. Кощей повелел так баб и жён называть — «женщина». И правильным это звание мне кажется, да и не только мне. И вот ведающие со всего государства нашего собрались вокруг, судачат да спорят о чём-то. Но я-то знаю, как Яга скажет, так и будет, потому и не беспокоюсь совсем. Вещей с собой мы взяли, всё, как тетя Люба сказала, платья и одежду нам выдадут воинское, а белишко лучше своё взять. И ясно, отчего так: воинское не слишком удобно для девицы, и чар очищающих на нём нет.

Вот дверь опять раскрывается, на пороге тётя Люба оказывается. В петлицах у неё по два крыла серебряных больших, что удивляет несильно. Она теперь старшица большого крыла, то есть для нас главная. Войдя, оглядывает она собравшихся, лишь глазами нам с Варенькой улыбнувшись, а так чело её строгое, даже сердитое немного.

— Здравы будьте, — приветствует она всех, кто в горнице собрался. — У вас ещё есть время передумать. Через два часа ждёт нас корабль летучий. Он унесёт тех, кто решится, в Гороховск, где вас учить мастерству лётному станут. Я старшица крыла общего, и ко мне обращаться можно.

— Мы не передумаем! — девица, что лишь постарше меня, смело смотрит, а в глазах слёзы у неё.

Видать, хлебнуть успела, потеряв близкого. Тётя Люба исчезает, а собравшиеся призадумываются, вижу я. Но мнится мне, не откажется никто. Мы здесь уже все, можно сказать, сестрицы боевые, и понимают они это. И даже я понимаю, ведь не просто нас на восток унести хотят. Видать, всё ближе чёрная туча, которую остановить пока не удаётся.

— Прости-прощай, — запеваю я негромко песнь, недавно появившуюся. — Родной мой Златоград...

— Прости-прощай, — сестрица моя подхватывает, вздохнув, — быть может, навсегда...

Постепенно подпевать нам начинают и другие. И звенит песня в горнице сборной, даря уверенность — мы победим. Обязаны победить, ведь иначе просто исчезнет Тридесатое, и все это уже понимают. Вчера Вестник Кощеев об осаде Китеж-града говорил, и значит это, что всё ближе туча чёрная. Всё страшнее она, и надежда, выходит, на нас, девчат, у страны родной.

*Прости-прощай,
Родной мой Златоград,
Прости-прощай,
Быть может, навсегда.
Прости-прощай,
Мой терем, луг и сад.
Прости-прощай,
Вернёмся ли сюда?*

Прости-прощай,

*Мой Китеж - город славный.
Прости-прощай,
Подруженька моя.
Прости-прощай,
И ждёт нас подвиг главный -
Прости-прощай,
В бой улетаю я.*

*Прости-прощай,
И Коцеград великий.
Прости-прощай,
Тебя мы отстоим.
Прости-прощай,
Погибнет враг безликий.
Прости-прощай,
Его мы тут сгноим.*

Лететь нам, выходит, долгонько — несколько дней. Чрево корабля на воинов рассчитано, а вовсе не на девиц, потому кровати все из дерева, жёсткие очень, но мы справляемся. Привыкнув уже, на второй день и гимнастикой специальной занимаемся, и водой обливаемся, благо её сколько угодно имеется. А тётя Люба, к нам сверху спускающаяся, очень одобрительно смотрит.

Наверху-то каюты командирские, там и наставники наши будущие, а мы все внизу, в огромной горнице, что трюмом прозывается. Привыкаем мы друг к другу уже, и вот тогда я предложение своё вношу. И знаю я, что погибнуть можем в любой миг, да страшно, в Нави не оказавшись, всё мне ведомо уже, но... Но все равно хочу я предложить всем, кто здесь собрался, не передумал, не убежал в страхе, чтобы едины стали мы.

— А давайте мы сестрицами боевыми станем? — громко произношу я, и будто замирают все.

Хоть и шумно у нас, а слышат меня сразу же. И поворачиваются девчата в сторону мою, будто проверить желая, не шучу ли я. Но нет у меня и мысли насмешку чинить, и заметно это. Рядом со мной Варенька встаёт, поддерживая и разделяя моё решение. Оно необычное, не принятое обычно, так и не принято доселе было девчатам в бой ходить, а теперь мы готовимся к битве.

Обычай это воинский — кровь смешать и по сути своей побратимами быть. Насколько знаю я, не было ещё такого, чтобы девчата воинским путём шли, первые мы. А переглянувшись и что-то решившие сестрицы мои будущие с лежаков встают, молча собираясь в центре чрева корабельного, где место свободное имеется. И хоть не разведёшь костёр на корабле, но заменит его огонь наших душ. Появляется чаша глубокая, в которую лишь чуть кровушки сцедить надобно, чтобы перемешалась она.

Будто духи земли нашей хоровод затевают, вокруг нас танцуя в этот миг, а на лесенке стоит тётя Люба, замерев, но остановить нас вовсе не желает. Мы же творим обряд воинский, в этот миг близкими становясь. Вместе мы, и в учении отныне, и в бою, ведь пришёл к нам враг страшный, орда чёрная немцев заморских, навеки проклятых.

Обряд заканчивается совсем не так, как я читала о нём, а будто пламень обнимает нас. Может быть, это оттого, что летим мы во чреве корабля летучего? Но не пугает огонь, а будто дарит нам частичку себя. И тут я клятву воинскую припоминаю, потому что для неё самое время. И вот тут, как мне кажется, тётя Люба удивляется, но ничего сказать не успевает.

Несмотря на то, что клятва эта в торжественной обстановке даётся, но я просто всей душой своей чувствую — так надо. Ждёт от меня именно клятвы земля родная, и без неё обряд не завершится.

— Я, дочь свободного государства Тридесятого, — громко произношу я, меняя, где надо слова, потому что девица же я, а не воин храбрый, — вступая в ряды войска её, клянусь перед Небом, Землёй и предками великими служить правдой и честью.

— Клянусь быть храброй, стойкой, неусыпной в дозоре, блюсти тайны, мне доверенные, исполнять уставы ратные и повеления воевод и старшиц без промедления и ропота, — твёрдо, уверенно вступает всё понявшая Варвара.

И вот тут слева и справа доносятся голоса вторящих нам сестриц боевых. Они говорят о том, что без промедления наказ любой выполнят, и будто земля наша, люди и нелюди повторяют вослед нам. Клятва звучит уже будто сама по себе, и каждое слово её светом ярким озаряет трюм корабельный. И чувствую я сестриц моих, в один ряд со мной вставших. А завершающие слова являют нам волхва древнего. Он стоит и смотрит на нас, лишь затем улыбнувшись добро.

— В летучем корабле на моей памяти обряд ещё не проводили, — строго произносит неведомо откуда взявшийся волхв. — Но всё бывает впервые. Благословляю я вас на подвиг ратный, сестрицы боевые.

Бьёт он посохом в настил деревянный, свет яркий со всех сторон льётся, лишь потом исчезая вместе с волхвом. А вот по лесенке мимо тёти Любы сама Яга спускается, на нас со строгостью глядя. Да и то, мы же не спросясь клятву принесли, а вдруг у неё другие планы были? Но спускается она к нам и затем только молча рукой каждой касается, пока до меня не озаряет.

— Так тому и быть, Лада, — негромко произносит Яга. — Отныне вы все — воины земли нашей, и пути назад нет. А тебе водить сестриц в бой в малом крыле⁶, раз решения принимать уже умеешь. Хотела я иначе, да, видать, судьба такая.

И приказывает она выдать платья воинские всем, чтобы, пока летим, мы могли их по фигуре подогнать, а затем и ходить учиться. Вот от этой новости сестрёнки мои боевые удивляются сильно очень, а Яга просто исчезает, даря понимание — мне сестриц воинскому шагу учить следует. Ну, что сказать, занятие она нам нашла... Но сначала появляются будто сами по себе платья воинские. Нам с Варей не нужно, а вот остальным ещё как. Это корабельный домовый раздаёт, конечно, не сами они по себе появляются.

— Сначала подгоним платья по фигуре, это каждая сама сделает, — объясняю я, потому что такие чары всякий творить умеет. Хоть и требуют они внимательности и сосредоточения, но не сложны вовсе. — А затем будем мы с Варварой учить вас порядкам воинским.

— Так вот что Яга в виду имела, — понимает боевая сестрица, что в матери нам с сестрицей годится. — Мы обычая воинского не знаем, а сестрицы наши младшие умеют и нас учить готовы.

Они радуются этому, как будто не Яга наказала, а я сама вызвалась. И я улыбаюсь, с готовностью на помощь приходя. Кажется мне, будто семьёй мы становимся единой в эти часы. Не знаю, так ли у мужчин наших, у воинов, а у нас отныне так, и кажется мне это очень правильным. Учитывая, что ни тётя Люба, ни Яга совершенно точно не возражали, то всё правильно.

А волхва появившегося я вспомнила. Нам на обрядоведении о нём говорили — он дух нашей земли, сама суть её. И раз мы от него благословение получили, то никто ничего уже поперёк не скажет, ведь нас достойными признали. Думаю, потому и не сказали нам ничего, раз всё случилось именно так. Верно, в нашем случае только так и верно. А сейчас...

⁶ Эскадрилья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.